

Контексты социального воображения

Статья посвящена вопросу о воображении. Автор пытается оценить силу воображения и основные препятствия для работы воображения. Цель автора заключается в изучении классических текстов и поиске в них удивительных историй о борьбе между воображением и рассудком, между воображением и определением ситуации, между человеческим воображением и технологическим воображением аппаратов. Автор завершает статью вопросом о том, насколько реально мы можем рассчитывать на возрождение человеческой способности воображать.

Ключевые слова: воображение, жизненный мир, собеседование, ассоциация, ситуация, технологический образ.

Summary

The paper is devoted to the question of imagination. The author is trying to evaluate the force of imagination and the main obstacles for the work of the imagination. The author's goal is to examine the classical texts and to find there out the wonderful stories about the strife between imagination and reasoning, between imagination and situation defining, between human imagination and technological imagination of devices. Finally, author concludes with the question whether there is any possibility for the recovery of the human imagination.

Keywords: imagination, life-world, conversation, association, situation, technological image.

В рамках теории познания и словно бы поневоле обращается к исследованию воображения философия Нового времени. Отрицать существование воображения невозможно, забыть о его существовании трудно. Когда начинается последовательное и скрупулезное рассмотрение всех способностей сознания, приходится рассматривать и эту способность сознания, устанавливая, как она взаимодействует с другими способностями. Исследование приходится производить во имя интеллектуальной честности, рискуя при этом нарушить последовательность теории познания, разрушающейся под действием силы, таинственной по своим истокам и изумительной по своему воздействию. Давид Юм пишет: «Нет ничего более изумительного, чем та готовность,

с которой воображение вызывает идеи и представляет их как раз в ту самую минуту, когда они становятся необходимыми или полезными. Фантазия пробирается весь мир, собирая идеи, относящиеся к какому-нибудь предмету» [8, 83]. Вот что такое освобожденное воображение –перемещающаяся по всему миру идей способность: магическая, гениальная, необъяснимая. Воображение обеспечивает познающего всеми необходимыми и полезными идеями в тот самый момент, когда это требуется для образования ассоциации. От того, что она обнаружит в своих поисках, зависит успех мышления.

И все же мир, который обегает воображение, предсказуем, а кругозор человека узок, просто потому, что он создан предшествующими действиями воображения. «Кругозор же этот – вселенная, создаваемая воображением, и у нас нет идей, помимо тех, которые здесь порождены» [8, 125]. Стремясь доказать, что ум не зависит от внешних влияний, что, даже отправляясь на край вселенной, сознание остается в замкнутом просторе идей и впечатлений, Юм демонстрирует, вместе с тем, всю ограниченность воображения. Коль скоро в поисках идей воображение стремится исчерпать лишь круг воображаемого, «ничто из того, что мы воображаем, не есть абсолютно невозможное» [8, 92]. Фантазируя, приходится, даже и вопреки первоначальному намерению лгать во что бы то ни стало, соотносить выдумки с реальностью, так что «даже поэты, эти лжецы по профессии, всегда стараются придать своим фикциям облик правды, если же они не заботятся об этом, произведения их, как бы остроумны они ни были, никогда не доставляют нам большого удовольствия» [8, 175]. Воображение ограничено в универсуме идей и впечатлений, созданном предшествующими усилиями воображения, правдоподобным, и главное. Что нам стоит знать о воображении – способы его применения для познания идей и впечатлений, и для создания и сохранения социальных связей.

Используя предоставленные природой материалы, воображение комбинирует их так, что такое комбинирование естественного позволяет создавать сверхъестественную реальность. Иммануил Кант пишет: «Воображение (в

качестве продуктивной способности познания) очень могущественно в создании как бы другой природы из материала, который ей дает действительная природа ... Хотя природа дает нам материал... этот материал может быть переработан нами... в то, что превосходит природу»[3, 155]. Воображение оживляет мышление, вынуждая думать о том, чего, на первый взгляд, и вовсе нет. «Воображение... заставляет мыслить по поводу... представления больше, чем может быть постигнуто и уяснено в нем» [3, 156]. Воображение и скрашивает нашу жизнь, и обосновывает априорное познание, ведь «мы предаемся ему, когда опыт представляется нам слишком будничным, переделываем опыт»[3, 155]. Без воображения не бывает способности суждения, а потому свобода воображения зависит от того, в каких отношениях со вкусом и рассудком находится воображение. «Но так как в применении для познания воображение находится под властью рассудка и ограничено, чтобы соответствовать его понятию, а в эстетическом отношении оно свободно и может сверх согласованности с понятием дать – правда, непреднамеренно – богатый неразвитый материал для рассудка, который тот в своем понятии не принимал во внимание и который он применяет не столько объективно для познания, сколько субъективно для оживления познавательных способностей, следовательно, косвенно все-таки для познания» [3, 158]. И все же эта способность расширять опыт включена в порядок взаимодействия различных человеческих способностей, и только такое, принимающее неизбежные ограничения, ее применение позволяет успешно выстраивать здания наук и искусств. «Только там, где воображение в своей свободе пробуждает рассудок, а рассудок, не прибегая к понятиям, вводит воображение в правильную игру, представление сообщается не как мысль, а как внутреннее чувство целесообразного состояния души» [3, 136].

В начале XX века Эдмунд Гуссерль описывает построение теории в эстетических дисциплинах. Методы прояснения, к которым приходится прибегать, когда мы стремимся к ясному видению феномена или к ясному усмотрению сущности, предполагают двойное движение на ощупь – движение

приближения к ясности взора и движение поиска строгого слова. При рассмотрении феноменов, «необходимо приблизить к глазам некоторые показательные детали или позаботиться о приобретении иных, более подходящих, по контрасту с которыми ярче выступят и затем будут доведены до максимально ясной данности такие отдельные черты, которые до этого интендировались сбивчиво и темно»[2, 146]. Стремление к ясности порождает предчувствия ясности, которые позволяют говорить о видении еще не видимого. «Приближение к взору совершается повсюду уже и в *сфере темного*. Темное представление по-своему приближается к нам и наконец стучит во врата созерцания, но от этого оно еще не переступает их порог (возможно, и не способно на это “вследствие психологических торможений”» [2, 146]. Движение от света к тьме и обратно сопровождает и переживания относительно ясные, но окруженные ореолом пока еще не определенного, воспринимаемого краем глаза, но определяющегося. «Упомянуть необходимо и о следующем: *все, что дано нам, как правило, бывает окружено ореолом, – это ореол неопределенно определимого*, и он обладает своим способом “*раскрывающегося*” приближения к взору, раскладываясь на ряды представлений, поначалу, скажем еще в темноте, затем вновь в сфере данности, пока, наконец, интендируемое не вступит в ярко освещенный круг совершенной данности» [2, 146]. Гуссерль описывает действия приближения и удаления, исполняя которые, мы ищем лучшую точку зрения и лучшие слова для выражения того, что увидели, перебираем и отвергаем сомнительные и нестрогие образы и слова. Параллельный поиск ясности во взгляде и ясности в определении понятия предполагает необходимость менять направления взгляда. При этом свободные вариации в фантазии эффективнее, поскольку предоставляют большие возможности передвижений. Все изменения в фантастических видимостях показывают их «*изменчивый характер*» [9,66], так что «мы можем говорить об одной презентации фантазии с отдельными репрезентациями» [9,67]. Рассматривая чувственное восприятие, мы распоряжаемся только образом, объектом «представляющим» и объектом «представляемым» [9,21]. Ситуация ра-

дикально меняется, когда наблюдатель рассматривает собственные фантазии. «Каждый фантазер переживает образы. Ему является нечто объективное...Никто не принимает это слабое, колеблющееся явление – то стремительно поднимающееся на поверхность, то исчезающее, притом, что его содержание много раз меняется за это время – за явление объекта»[9, 27].Предметы, которые предстают перед взором фантазера, существуют таким образом, что ими гораздо проще распоряжаться, их легче варьировать. Даже и не обладая склонностью к парадоксальному мышлению приходится признать, что выдумка – это царская дорога к познанию «вечных истин». «А потому мы, при известном пристрастии к парадоксам, действительно, можем сказать, твердо соблюдая истину, – и при условии хорошего разума многозначного смысла, – что *“фигция” составляет жизненный элемент феноменологии, как и всех эйдетических дисциплин*, что фикция – это источник, из которого черпает познание “вечных истин”» [2, 149].

Конституируя социальное взаимодействие, волей-неволей приходится иметь дело с практической проблемой чужого сознания, существовавшей до любого ее теоретического истолкования. Столкнувшись с задачей усмотрения сущности такого рода, остается рассчитывать только на воображение, работа которого в этом случае становится особенно интенсивной и гораздо более свободной, чем при образовании научных суждений. Развивая рассуждения Юма о том, насколько благожелательность зависит от воображения, Чарльз Хортон Кули описывает социальное взаимодействие как общение с воображаемыми друзьями. Сравнение сознания беседой широко распространено.«Сознание и взрослых, и детей живет в нескончаемой беседе» [4, 71–72].С точки зрения Кули, это не просто сравнение: от склада ума детей или взрослых зависит то, присутствует ли сравнение в этом «сравнении»вообще, употребляется ли слово «беседа» в переносном смысле.«Чем проще, конкретнее, нагляднее их склад ума, тем больше их размышления напоминают реальный разговор с видимым или слышимым собеседником... Этот воображаемый собеседник – весьма непостоянная величина и, скорее

всего, похож на последнюю сильную личность, с которой мы общались» [4, 75]. В таком мышлении-собеседовании приходится полагаться на воображение, поскольку лишь воображение позволяет признать различия между людьми, представить другого как другого, а не как повторение себя и не как абстрактную фигуру человека, такого же, как «все». А потому воображение, примененное для общения практично, так что Кули пишет: «Нет ничего более практичного, чем социальное воображение; не иметь его – значит, не иметь ничего» [4, 106]. Социальный опыт – опыт использования воображения, а не опыт материальных контактов. «Социальный опыт – это содержание воображаемых, а не материальных контактов; а у воображения столько вспомогательных средств, что едва ли можно судить о чем-то опыте просто по внешнему течению его жизни» [4, 105]. Складывающийся в ходе воображаемого и реального обмена репликами образ собеседника связывается с другими образами, возникающими вследствие такого же обмена, и эти взаимосвязанные личные представления позволяют создать образ общества. «То, что у меня ассоциируется с вами, – это с очевидностью связь между моим представлением о вас и остальным моим сознанием... Общество, как таковое, – *это связь между личными представлениями*» [4, 91]. Общество представляет собой переплетение коммуникативных процессов.

Такое переплетение предполагает ограничения, связанные с объективацией коммуникативных актов. Объективированная ситуация – результат деятельности буйного воображения безымянных предшественников, ограничивающий работу воображения современников. Уильям А. Томас пишет: «Ситуация представляет конфигурацию факторов обуславливающих поведенческую реакцию... Для человеческой личности самым важным содержанием ситуаций оказываются установки и ценности других людей, с которыми устанавливаются отношения соперничества и сотрудничества» [12, 60]. Определение ситуации предшествует выбору линии поведения и предопределяет этот выбор. Индивидуальное определение ситуации, которое, вполне возможно, подчиняется стремлению получать удовольствия, сталкивается с уже

определенной другими ситуацией, причем это последнее определение призвано гарантировать безопасность и гарантирует, по меньшей мере, устойчивость социального порядка. Прежде чем мы заводим беседу с воображаемыми друзьями, мы уже помещены в ситуацию, определенную для нас другими. «До любого независимого поведенческого акта существует стадия исследования и обдумывания, которую мы можем назвать *определением ситуации*. В действительности не только конкретные акты зависят от определения ситуации, но вся жизненная политика и личность индивида все сильнее и сильнее зависят от последовательности таких определений» [13, 42]. Эгоцентричный ребенок пытается говорить на своем языке, отстаивать свое видение мира, определять ситуации всегда и только по-своему. «Но ребенок всегда рождается в группе людей, уже определившей все те общие типы ситуаций, которые только могут появиться, и разработавшей соответствующие правила поведения, внутри которой у него нет ни малейшего шанса создать свои определения и последовать своим желаниям, не встретив сопротивления» [13, 42]. Пытаясь преодолеть сопротивление группы, индивид приобретает своеобразие, позволяющее ему, как говорится, стать личностью. «Всегда существует соперничество между самопроизвольными определениями ситуации, высказанными членом организованного сообщества, и определениями, которые его сообщество навязывает ему» [13, 42]. Со своей стороны, преодоление попыток индивидов противиться уже существующим определениям ситуации укрепляет социальные группы. Необходимо подчинить строптивого члена группы, и восстановить единодушие в определении ситуации. Если примером группы избирается крестьянская община, стоит вместе с Томасом отметить, что «важнейшим моментом достижения общинного решения... является единогласие. В некоторых случаях вся община мобилизуется против упрямого индивида, стремясь подчинить его тому, чего желают все» [13, 48]. Чтобы избежать спора, ссоры или драки община настаивает на таких проверенных и действенных средствах, как публичная исповедь или самобичевание. «Не столь формальное, но столь же могущественное средство опреде-

ления ситуации, разработанное общиной, – это сплетня» [13, 49]. Прибегая к таким средствам, община стремится не изгонять своих членов, отвергающих общепринятое определение ситуации, но восстанавливать единство и последовательность коммуникативного кода, созданного общепринятыми определениями ситуации, реинтегрируя отступников. «Община обычно стремится простить и наставить на путь оступившегося члена. Ей не по душе нарушения солидарности и морали. И, коль скоро отступник хочет прощения и очищения, код срабатывает. Код не срабатывает, только когда грешник не признает его и не раскаивается» [13, 69]. Порядок, установленный в общине, универсален. Польские крестьяне, замечает Томас, говорят о том, что околица деревни проходит там, куда доходят слухи об этой деревне [13, 44]. Если образом описания контекста становится деревенский «мир», приходится признать весь вовлеченный в жизнь группы большой мир продолжением и расширением общины с ее кодифицированными определениями ситуации.

Современное общество расколото на малые жизненные миры, которые, по словам Бениты Лукман, «могут свободно избираться или преднамеренно... конструироваться» [10, 283]. Современный человек стремится упорядочить и подчинить себе свой малый мир, сознательно принимая существование «сложного, дикого и пугающего большого мира» [10, 290] за пределами своего мирка. Получая гораздо больше сведений о большом мире за пределами околицы своей «деревни», современный человек, в отличие от крестьянина традиционного общества, не способен представить этот большой мир продолжением своего мира. Теряется не только универсализм, но и стабильность определения ситуации, поскольку признание существования множества маленьких миров открывает возможность выбора между мирами и замены одного из них на другой. «Эти маленькие миры – не “целое”, а части; они не на всю жизнь, а на некоторое время, они не столько “естественно данные”, сколько “намеренно избранные”, нет одного малого мира, но существует множество миров» [10, 290]. Социальному воображению в современном мире приходится сталкиваться с изменившимся контекстом и создавать фантазии

нового типа. Описывая «тиранию интимности», Ричард Сеннет пишет: «Общество, опасаясь безличности, поддерживает “местечковые”, по своей природе, фантазии коллективной жизни. Вопрос “кто мы такие” становится в высшей степени избирательным актом воображения: непосредственные соседи имярека, его сослуживцы, его семья. Все более затрудняется идентификация себя с людьми, которых “мы” не знаем, с незнакомцами, которые, однако, могут разделять “наши” этнические интересы, семейные или религиозные проблемы» [6, 356]. Необходимость вести «местечковую» жизнь приводит к тому, что фантазии о большом мире передоверяются неведомым творцам технологических образов, распространяемых средствами массовой коммуникации. Хотя значение взаимодействия «лицом-к-лицу» сохраняется, объективация социального воображения происходит в технологиях коммуникации, которые сегодня становятся самым серьезным ограничением свободы социального воображения.

Даже привычные и простейшие коммуникативные системы представляют собой сложные технологии. Уолтер Онг пишет: «Письмо (особенно алфавитное письмо) – это технология, призывающая использовать приспособления и прочее оборудование: стилус или кисть, или ручку, такие тщательно подготовленные поверхности, как бумага, кожа животных, деревянные пластины, а также чернила и краски, и многое другое» [11, 80–81]. Все коммуникативные технологии, и в том числе – письмо, расширяют и изменяют человека. «Технологии – это не просто внешние вспомогательные средства, но и внутренние преобразования сознания, особенно значимые тогда, когда они воздействуют на слово» [11, 81]. Широко распространяющиеся коммуникативные технологии современности входят в жизнь каждого, преобразуя и мир воображаемого, и способность воображения. Маршалл Маклюэн замечал изменения воображения, связанные с распространением сначала книгопечатания, а затем – кинематографа. «“Воображение” все более и более оказывается связанным со способностью к визуализации... Книгопечатание в этом смысле имеет много общего с кино» [5, 187]. Печатная книга не просто вызывает необходимость

постоянно переводить слова в образы, но сама представляет собой ближайший аналог экрана кинотеатра. «Печатный текст максимально усиливает визуальные черты алфавита и таким образом доводит индивидуализирующие черты алфавита до такой степени, которая была недоступна рукописной культуре ... Читатель печатной книги попадает в зависимость от ровного и регулярного чередования черных и белых пятен... Это чередующееся мерцание и есть способ проецирования субъективного сомнения и периферийного поиска на осязание» [5, 235]. Книголюба или кинолюбителя можно и не обучать свободным вариациям в фантазии.

Технологии не только расширяют человека, но и замещают его, отбирая у него, среди всего прочего, и способность выдумывать. Рассматривая фотографию как пример такого рода технологии, Виллем Флюссер пишет о той новой магической реальности, которую создает фотоаппарат. «Вездесущие технические изображения... магически реструктурируют нашу “действительность” и переворачивают глобальный образный сценарий. В сущности, речь идет о “забвении”. Человек забыл, что он был тем, кто создал образы, чтобы по ним ориентироваться в мире. Он больше не в состоянии расшифровать их и живет теперь функцией собственных образов: воображение обратилось галлюцинацией» [7, 9]. Программы аппаратов замещают собой идеологии, настаивающие на правильности одной точки зрения и производные от кодифицированных определений ситуации. «Фотографии превосходно справляются со своей задачей: магически программировать поведение общества в интересах аппарата» [7, 55]. Становясь все более удобными, фотоаппараты все больше ограничивают оригинальность и свободу фотографа. «Аппараты были изобретены, чтобы функционировать автоматически, т.е. автономно, независимо от последующих вмешательств человека. Намерение, стоящее в основании их создания, – исключить из них человека» [7, 86]. Постепенно фотоаппараты становятся самоцелью. «Если изначально аппараты были произведены и запрограммированы согласно намерению человека, то сегодня, “во втором и третьем поколениях” аппаратов, это намерение исчезло за горизонтом

функционирования. Теперь аппараты функционируют как самоцель, как раз “автоматически”, с одной единственной целью: содержать себя и улучшать себя»[7, 86–87]. Воображение, перестает быть воображением того, кто пользуется аппаратом, – оно становится воображением самого аппарата. «Воображение аппарата больше воображения отдельного фотографа и вместе взятых фотографов, именно в нем заложен вызов фотографу»[7, 41]. Аппараты превращаются в современных титанов воображения. «Аппараты действительно антропоморфные титаны... Они не сверхчеловечны, а недочеловечны – бескровные и упрощающие симуляции процессов человеческого мышления, которые, поскольку они так ограничены, делают излишними и нефункциональными решения человека»[7, 87]. Подчинение аппарату становится подчинением неконтролируемому воображению другого, которое вынуждает снимать, руководствуясь не столько выбором фотографа, сколько возможностями фотоаппарата. Мир, в котором существуют фотоаппараты и другие, куда более могучие технологические приспособления, – это мир, в котором вновь приходится поставить вопрос о возможности человеческой свободы и о самом существовании свободного воображения.

Некогда Джамбаттиста Вико описывал прогресс наций как процесс постепенного ослабления воображения и усиления рассудка. История каждой нации начинается с людей, живших в скотском состоянии. Они скитались по первобытному лесу, время от времени спариваясь и рождая детей, которых тотчас же бросали. «Дети катались в своих испражнениях, которые... утучняют поля селитрой, с трудом продирались сквозь великий лес, чрезвычайно густой вследствие сырости после потопа. От этих усилий расширялись одни мускулы, вытягивая другие, и потому селитра в большом количестве просачивалась в их тело. Так как у них не было страха перед Богом, перед Отцами, перед Учителями, от чего окостеневаet самый цветущий детский возраст, то у них чрезвычайно увеличивались мясо и кости, и они вырастали полными сил и могучими. Так появились Гиганты»[1, 128]. Эти гиганты были и гигантами воображения, поскольку мыслили под воздействием вспышек сильней-

ших страстей. «Первые люди... должны были мыслить только под действием сильных ударов самых неистовых страстей, как мыслят животные» [1, 113]. Поскольку наше воображение ослабело на службе рассудку, подчинено определениям ситуации и застряло в горах технологического мусора, мы едва ли способны понять, что такое свобода воображения. «Нам самой природой закрыт доступ в неукротимое воображение первых людей; сознание которых было совершенно лишено абстрактности, не утончено, не спиритуализировано, так как они были целиком погружены в чувства, возбуждены страстями, погребены в телах» [1, 134]. Титаны воображения современности – антропоморфные аппараты, работающие со все возрастающим автоматизмом. Сегодня мы можем лишь вопрос об их воздействии на человеческое воображение, и вопрос этот может стать началом возрождения человеческого воображения.

Поскольку история общества представляет собой процесс непрерывного социального творчества, вопрос о той способности, благодаря которой мы способны творить, никогда не был чисто академическим вопросом. Не просто ради определения понятий противопоставляется продуктивное воображение репродуктивному, выдумка – воображению, а изобретение – подражанию, но ради драматического повествования о том, как под гнетом науки, техники и порожденного ими мусора изменялась до неузнаваемости способность менять и меняться.

Одной из важнейших тем философии и социальной теории последних десятилетий, появляющейся вновь и вновь под разными именами и в разных обликах, становится противостояние воображаемого воображению. Поднять эту тему значит начать рассказывать истории о том, как мертвый хватает живого, о том, как прогресс порождает новый племенной мир, о том, как освобождение становится порабощением, или о том, что постижение реальности представляет собой разрыв скрывающей ее завесы, заканчивающийся созданием новой завесы.

1. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999.
3. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Собр. Соч. в 8 т. М., 1994. Т. 5.
4. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
5. *Маклюэн Г. М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003.
6. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002.
7. *Флюссер В.* За философию фотографии. СПб, 2008.
8. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2 т. М., 1996. Т. 1.
9. *Husserl E.* Phantasy, Image Consciousness, and Memory. Dordrecht, 2005.
10. *Luckmann B.* The Small Life-Worlds of Modern Man // Phenomenology and Sociology. Selected Readings. Harmondsworth, 1978.
11. *Ong W. J.* Orality and Literacy. The Technologizing of the Word. L.; N.Y., 1982.
12. *Thomas W. I.* Social Behavior and Personality. N.Y., 1951.
13. *Thomas W. I.* The Unadjusted Girl. Boston, 1923.